

В ФОКУСЕ: ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК

Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок

Алексей Исполинов

В настоящей статье автор рассматривает роль, которую могут играть в процессе евразийской интеграции конституционные суды государств – членов будущего Евразийского экономического союза и в первую очередь Конституционный Суд Российской Федерации. К активному формулированию своей позиции их будто подталкивают очевидные пробелы нормативных актов на евразийском уровне в части защиты конституционных прав человека, а также особенности юрисдикции будущего Суда Союза. Автор отмечает, что в поиске необходимых аргументов для конституционных судов неоценимую помощь может оказать обращение к опыту конституционных судов государств – членов Европейского Союза, особенно к практике Федерального конституционного суда ФРГ.

→ *Таможенный союз; Евразийский экономический союз; Суд ЕврАзЭС; конституционный суд; права человека; евразийский правопорядок*

С конца 1990-х годов Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), до этого безраздельно властвовавший на отечественном судебном Олимпе, оказался в новой и не самой комфортной для себя ситуации. Присоединение России к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (далее – Европейская Конвенция) поставило Конституционный Суд РФ перед необходимостью выстраивать отношения с Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд), одним из наиболее авторитетных международных судов в мире, который к тому же не без основания считает себя хранителем конституционной хартии Европы (так он называет Европейскую Конвенцию). Относительно мирное в первые годы сосуществование Конституционного Суда РФ и Европейского Суда затем было заметно омрачено открытым конфликтом по поводу дела Маркина, выявившим принципиально различный их подход при оценке ряда положений российского законодательства о военнослужащих.

Сейчас конфликт вроде бы сошел на нет, но стороны остались на своих настороженно вежливых позициях. По следам дела Маркина Конституционный Суд РФ принял постановление о порядке действий российских судов в том случае, если Европейский Суд признает какое-либо положение российского законодательства не соответствующим Европейской Конвенции¹. От себя заметим, что подобный подход к вопросу о коллизии решений использовал Конституционный суд Италии, который также обязал нижестоящие суды обращаться к нему с запросом в случае коллизии между внутренней нормой и решением Европейского Суда, определив тем самым место решений Европейского Суда в иерархии правовых актов между Конституцией и нормами национального права². Со своей стороны, Европейский Суд в решении по делу «Анчугов и Гладков против Российской Федерации» признал некоторые положения российской Конституции противоречащими Европейской Конвенции, указав при этом, что одним из способов устранения нарушения статьи 3

Протокола № 1 к Конвенции может быть толкование Конституционным Судом РФ этих положений Конституции России³.

Однако начавшаяся интенсификация процессов евразийской интеграции поставила Конституционный Суд РФ перед еще одним крайне непростым выбором. Несколько лет назад появился и сейчас стремительно развивается новый евразийский правопорядок. На сегодняшний день нормативную основу евразийской интеграции составляют более 90 международных договоров, заключенных только в рамках Таможенного союза (далее — ТС), а также около 750 решений Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), которые подлежат непосредственному применению на территории государств-членов. Это означает, что помимо национальных правовых норм в российском правопорядке уже появились нормы, принимаемые не органами государства, а наднациональным институтом, и именно эти нормы подлежат применению гражданами, предприятиями, органами государственной власти, а также национальными судами при разрешении споров. И если нормы российского национального права на соответствие Конституции России проверяет Конституционный Суд РФ, то в отношении решений ЕЭК судебный контроль возложен на Суд Евразийского экономического сообщества (далее — ЕврАзЭС) (в будущем — на Суд Союза), который вправе проверять соответствие актов ЕЭК международным договорам, заключенным в рамках Сообщества и ТС). Таким образом, создается положение, когда некая весьма быстро растущая часть правовых норм, регулирующих правоотношения внутри России, оказывается за пределами конституционного контроля со стороны Конституционного Суда РФ.

1. Конституционный Суд РФ и ТС: начало формирования позиции

Сложившаяся ситуация поставила Конституционный Суд РФ перед необходимостью сформулировать свою позицию по отношению к евразийскому правопорядку в целом и к Суду ЕврАзЭС в частности. Первый предупредительный сигнал был сделан в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федераль-

ного закона «О международных договорах Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова», в котором Суд подверг обоснованной критике практику временного применения (до их ратификации) договоров, заключенных в рамках ТС, потребовав для эффективной защиты прав граждан внести соответствующие изменения в закон о международных договорах.

Но на этом Конституционный Суд не остановился. Жалобы граждан и юридических лиц, поступающие в Конституционный Суд с просьбой признать положения нормативных актов ТС не соответствующими Конституции РФ, подвигли Суд начать формулировать свое видение конституционности процесса евразийской интеграции.

В спорах с Европейским Судом Конституционный Суд РФ отстаивал свою позицию, апеллируя к национальным интересам или к национальному суверенитету. Но в спорах в рамках ЕврАзЭС такие аргументы вряд ли будут эффективны, поскольку евразийский интеграционный проект является, безусловно, российской инициативой. Поэтому Конституционный Суд РФ выбрал иную стратегию, заявив о себе как о гаранте конституционных прав граждан Российской Федерации в интеграционных процессах, что дает ему право осуществлять конституционный контроль за применением актов ЕврАзЭС на территории России.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ был в некоторой степени вынужден это сделать, столкнувшись с ситуацией, когда некоторые положения Таможенного кодекса Российской Федерации, уже признанные им не соответствующими Конституции России как нарушающие конституционные права заявителей, вошли практически без изменений в Таможенный кодекс ТС. Суду ничего не оставалось, как отреагировать на эту очевидную попытку игнорирования его авторитета.

В своих Определениях по жалобам гражданина Худайназарова и компании «Team Niinivirta AY» Конституционный Суд был лаконично категоричен, заявив следующее:

«Таможенный кодекс Таможенного союза является приложением к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества на уровне глав государств от 27 ноября 2009 го-

да № 17, и относится к составной части договорно-правовой базы Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации»⁴.

И далее: «Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации не утратили свою силу и подлежат применению в отношении действующего нормативного правового регулирования таможенных отношений. Соответственно, оспариваемые компанией “Team Niinivirta AY” положения Таможенного кодекса Таможенного союза, учитывая их схожий по содержанию характер с утратившими силу нормами Таможенного кодекса Российской Федерации, по смыслу статьи 15 (части 1 и 4) и статьи 79 Конституции Российской Федерации, не могут применяться без учета данных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации»⁵.

Таким образом, Конституционный Суд РФ указал, что как минимум на территории России положения Таможенного кодекса должны применяться в данном им толковании. Во-первых, это означает разрыв единого правового пространства ТС, так как на территории России Таможенный кодекс действует в версии Конституционного Суда РФ, а во-вторых, тем самым поставлены под сомнение исключительные полномочия Суда ЕврАзЭС по толкованию актов ТС. Причем нельзя не отметить, что сам Конституционный Суд РФ это все прекрасно понимает.

Крайне любопытна в этом отношении статья судьи Конституционного Суда РФ С. М. Казанцева «Решения органов конституционного контроля государств — членов Таможенного союза как источник международного права». Уже само название этой статьи в некоторой степени бросает вызов традиционной доктрине международного права. Не менее примечательны и рассуждения автора, приоткрывающие дверь на внутреннюю кухню Конституционного Суда и показывающие его отношение к евразийской интеграции в принципе и к Суду ЕврАзЭС в частности. Причем некоторые рассуждения заслуживают того, чтобы их процитировать полностью: «В силу нарастающей интеграционной тенденции в рамках ЕврАзЭС можно предположить, что количество наднациональных нормативных актов, подобных Таможенному кодексу ТС, будет только увеличиваться. <...>

При этом их содержание будет все в большей степени регламентировать и тем самым не исключено, что и ограничивать основные конституционные права граждан как Российской Федерации, так и других стран Союза. <...> Вправе ли Конституционный Суд признать их утратившими силу и не подлежащими применению? И следует ли их признать утратившими силу и не подлежащими применению только на территории Российской Федерации или на всей территории Таможенного союза?»⁶

Говоря про судебный контроль над актами ЕврАзЭС и ТС, С. М. Казанцев с сожалением отмечает, что «участники Таможенного союза... установили механизм такого контроля, в котором конституционным судам отведено очень скромное место, а именно они получили право наряду с другими высшими судами обращаться в Суд Евразийского экономического сообщества с запросом о толковании положений договоров, действующих в рамках ЕврАзЭС. Толкование Суда ЕврАзЭС, согласно данному международному соглашению, приобретает высшую юридическую силу, превосходящую силу решений Конституционного Суда. Такое положение Суда ЕврАзЭС означает, что ему на территории Евразийского экономического пространства предоставлено приоритетное право в толковании и выявлении как буквального, так и конституционного смысла положений таможенного законодательства Таможенного союза, а конституционные суды должны действовать в несвойственной им роли заявителя. *Есть основания сомневаться в том, что Конституционный Суд РФ согласится с таким правовым регулированием, поскольку такой подход будет означать ограничение не только его конституционных полномочий, но и конституционных прав граждан*»⁷ (курсив мой. — А. И.).

Комментируя Определения Конституционного Суда РФ по жалобам Худайназарова и компании «Team Niinivirta AY», С. М. Казанцев делает вывод, что, формально отказывая заявителю, Конституционный Суд, по сути, дал косвенное конституционное истолкование норм Таможенного кодекса ТС, которое обязывает правоприменительные органы Российской Федерации применять такие его положения только в соответствии с позицией Конституционного Суда РФ.

2. Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

Подписанный в Астане 29 мая 2014 года Договор о Евразийском экономическом союзе ставит целью создание единого внутреннего рынка, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. При этом сферы регулирования, передаваемые государствами-членами соответствующим органам Союза, далеко выходят за рамки уже существующего Сообщества. Вместе с тем защита прав человека на евразийском уровне пока явно не соответствует не только заявленной, но и уже достигнутой степени интеграции. В новый Договор о Евразийском экономическом союзе переключались по наследству все те проблемные вопросы защиты прав частных лиц, которые не раз отмечали отечественные исследователи. К сожалению, новый Статут Союза (Приложение № 2 к Договору) также не предлагает путей их решения. К таким проблемам можно отнести следующее.

1. В ЕврАзЭС уже сейчас принимаются акты, которые напрямую касаются интересов и прав физических и юридических лиц. При этом возможность обжалования таких актов предоставлена только «хозяйствующим субъектам», к которым относятся юридические лица, а также индивидуальные предприниматели. За порогом остались общественные организации, профсоюзы, частные лица — не предприниматели, интересы которых также могут быть затронуты решениями Комиссии. И если подобное ограничение круга субъектов в Таможенном союзе еще можно понять (но не согласиться с ним!), то при создании единого внутреннего рынка такая ситуация представляется принципиально неприемлемой. Лишение значительного числа частных лиц возможности эффективно обжаловать в каком-либо суде решения ЕЭК, которые их непосредственно касаются и которые применяются ими напрямую, указывает на весьма серьезное ущемление права на доступ к правосудию на уровне Союза.

2. В учредительных договорах Евразийского экономического сообщества и Евразийского экономического союза отсутствует какое-либо упоминание о возмещении ущерба, понесенного частными лицами в результате применения успешно оспоренного ими впо-

следствии решения ЕЭК. Нынешний Статут Суда ЕврАзЭС запрещает суду рассматривать такие требования. К сожалению, Статут Суда Союза воспроизводит эту формулировку, оставляя вопрос открытым. Но без его решения система судебного контроля над актами ЕЭК оказывается неполной и неэффективной.

3. Договор о создании Евразийского экономического союза (равно как и документы Евразийского экономического сообщества) уполномочивает Суд Союза рассматривать жалобы хозяйствующих субъектов на решения ЕЭК в том случае, если эти решения затрагивают права и интересы заявителей. При этом перечень прав хозяйствующих субъектов, а также каталог прав человека в Договоре отсутствуют. Все это позволяет прийти к неутешительному выводу о том, что в системе защиты прав человека на уровне Евразийского экономического сообщества (а затем и Союза) существуют серьезные изъяны.

4. Положение осложняется тем, что в новом Статуте Суда Союза государства пошли на серьезное сужение его юрисдикции по сравнению с той, которой обладал Суд ЕврАзЭС. Хотя за Судом оставлено право рассматривать жалобы частных лиц на акты и действия ЕЭК, в его юрисдикцию по этим вопросам самым странным образом были имплантированы арбитражные механизмы. Так, появились коллегии экспертов *ad hoc*, создаваемые из представителей государств для рассмотрения споров о промышленных субсидиях, о мерах государственной поддержки сельского хозяйства, о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Решения коллегий экспертов имеют для Суда рекомендательный характер, однако при решении вопросов о компенсирующих мерах их мнение для него обязательно (!). Суд низводится, таким образом, до роли органа, почти автоматически утверждающего решения, принятые другими людьми, которые сами за эти решения не отвечают.

Более того, в новом Статуте Суда Союза полностью исключена функция вынесения преюдициальных заключений по запросам национальных судов. У Суда осталось только право давать классические консультативные заключения по запросам государств, но оно ограничено, поскольку такие заключения не будут иметь обязательной силы. Кроме того,

государства сами должны определить органы, уполномоченные обращаться в Суд Союза за разъяснениями. Судя по всему, перечень этих органов будет предельно узким, и может статься, что даже высшие национальные суды в него не попадут. Таким образом, в новом Статуте государства постарались по-своему изолировать Суд Союза от национальных судов и максимально затруднить диалог между судами.

Итак, можно констатировать, что озабоченность Конституционного Суда РФ состоянием защиты прав российских граждан в процессе евразийской интеграции более чем обоснованна. Но Конституционный Суд РФ оказывается перед необходимостью более точно сформулировать и обосновать свое видение конституционного контроля актов будущего Союза. В разработке такого обоснования существенную помощь может оказать изучение практики конституционных судов государств — членов Европейского Союза.

3. Конституционные суды государств — членов ЕС и правопорядок ЕС

Опыт взаимодействия конституционных судов государств — членов с ЕС, в первую очередь Федерального конституционного суда ФРГ (далее — Федеральный конституционный суд), самого авторитетного сегодня в Европейском Союзе, уже сам по себе чрезвычайно интересен и поучителен. Конституционные суды практически всех этих стран, за исключением Нидерландов, были вынуждены обозначить своего рода красные линии, за которые, по их мнению, не должны заходить ни институты ЕС в своем нормотворчестве, ни Суд ЕС. Так, Конституционный суд Италии заявил, что не будет рассматривать вопрос о соответствии актов ЕС Конституции Италии, за исключением случаев, когда акт ЕС противоречит основным принципам конституционного правопорядка или неотъемлемым правам человека⁸. Проявленная конституционными судами так называемая конституционная сдержанность (*constitutional tolerance*)⁹ позволила им до сих пор избегать прямых столкновений с Судом ЕС, которые могли бы бросить тень на репутацию обеих сторон. Единственным исключением стало решение Конституционного суда Чехии по делу *Slovak*

*Pensions*¹⁰, в котором он признал решение Суда ЕС по делу *Landtová*¹¹ как решение *ultra vires*, то есть вынесенное с явным превышением полномочий, и поэтому не подлежащим исполнению.

Однако особый интерес представляет позиция Федерального конституционного суда, который в серии решений постепенно сформулировал свое отношение к вопросам приоритета права ЕС и исключительной компетенции его Суда по толкованию норм права Союза. В решении от 29 мая 1974 года (более известном как *Solange-1*¹²) Федеральный конституционный суд заявил о том, что намерен сохранять свою компетенцию по проверке норм права ЕС на предмет их соответствия правам человека, изложенным в Основном законе ФРГ, «до тех пор, пока» (нем. — *so lange*) Европейские сообщества не будут обладать собственным каталогом прав человека, который был бы адекватен каталогу прав, установленному Основным законом. Спустя несколько лет Федеральный конституционный суд в решении по делу *Solange-2*¹³ выразил свое удовлетворение практикой Суда ЕС по вопросам прав человека, указав, что уровень защиты прав человека в ЕС находится на уровне, сравнимом со стандартами, предусмотренными Основным законом ФРГ. Он также заявил, что не намерен проверять нормы права ЕС на их соответствие Основному закону до тех пор, пока Европейские сообщества обеспечивают в целом эффективную защиту прав человека.

В решении от 12 октября 1993 года по делу *Maastricht* о соответствии Маастрихтского договора Основному закону ФРГ¹⁴ Федеральный конституционный суд оставил за собой, а не за Судом ЕС право решать вопросы о соответствии норм ЕС той компетенции, которая передана на уровень ЕС, и объявлять акты ЕС как акты *ultra vires*, то есть принятые в нарушение полномочий. В решении от 30 июня 2009 года по делу *Lisbon* о конституционности Лиссабонского договора¹⁵ Федеральный конституционный суд заявил, что компетентен рассматривать акты ЕС на предмет их соответствия «конституционной идентичности» Основного закона ФРГ (хотя и не пояснил, что это такое) и не только разрешать, но и обязывать правительство не исполнять акты ЕС и предпринимать меры для защиты конституционной идентичности.

Попав под огонь критики и увидев обеспокоенность других государств — членов ЕС, Федеральный конституционный суд был вынужден в решении по делу *Honeywell*¹⁶ скорректировать свою позицию, разработав ограничительный подход к решению вопроса о наличии в конкретном случае *ultra vires* со стороны органов ЕС. По мнению Федерального конституционного суда, акты ЕС не должны применяться на территории страны в том случае, если они очевидно противоречат разделению компетенции между ЕС и государствами-членами, а также ведут к «значительному структурному сдвигу в распределении компетенции в пользу ЕС»¹⁷. Для того чтобы решить вопрос о правомерности конституционного обжалования актов ЕС частными заявителями, Федеральный конституционный суд пошел даже на то, чтобы признать существование особого права, защищаемого Основным законом ФРГ, а именно права на «поведение институтов ЕС в рамках своей компетенции» (*competencial behavior of the EU*).

Причем нельзя сказать, что Федеральный конституционный суд полностью игнорировал само существование Суда ЕС. Оставаясь до 2014 года единственным конституционным судом из государств — членов ЕС, который ни разу не воспользовался своим правом на запрос в Суд ЕС, предоставленным ему учредительными договорами о создании Союза, Федеральный конституционный суд, тем не менее, вел с этим Судом своеобразный заочный диалог. Так, решение по делу *Honeywell* было принято им по следам крайне противоречивого и вызвавшего много споров решения Суда ЕС по делу *Mangold*¹⁸. Из недавних примеров можно упомянуть предупредительный сигнал со стороны Федерального конституционного суда в ответ на решение Суда ЕС по делу *Fransson*¹⁹. В этом решении Суд ЕС предпринял весьма расширительное толкование сферы применения Хартии основных прав ЕС, по сути, заявив, что будет считать себя верховным арбитром в вопросах защиты основных прав человека в ЕС. Федеральный конституционный суд в решении по делу о соответствии Основному закону ФРГ компьютерной базы данных по антитеррору упомянул решение Суда ЕС по делу *Fransson*, сказав, что Суд ЕС не является надлежащим судьей в чисто внутригосударственных вопросах²⁰.

Этот заочный диалог перешел в другую стадию после того, как в 2014 году Федеральный конституционный суд решил нарушить свою многолетнюю практику отказа от любых обращений в Суд ЕС²¹. Однако, по мнению ряда авторов, это обращение Федерального конституционного суда — своего рода «троянский конь», за которым последует показательный отказ исполнять решение Суда ЕС²².

Заключение

В нынешней ситуации, когда проявились проблемы в системе прав человека на евразийском уровне, перед конституционными судами государств — членов будущего Союза встает задача сформулировать свою позицию в отношении конституционности актов, принимаемых органами Союза. Более того, такой контроль представляется необходимым с точки зрения общественных интересов. В ситуации, когда полномочия Суда будущего Союза оказываются значительно урезанными по сравнению с Судом ЕврАзЭС, именно конституционные суды могут взять на себя задачу создать адекватные и эффективные механизмы защиты конституционных прав граждан в процессе евразийской интеграции. При этом сам подход конституционных судов должен быть максимально прагматичным, не приводящим к резкому разрыву общего правового пространства будущего Союза. И здесь особая роль отводится Конституционному Суду РФ — самому авторитетному конституционному суду на постсоветском пространстве. Именно его авторитет должен сыграть важную роль в процессе налаживания диалога между судами государств — членов будущего Союза, который и составит основу единого и согласованного подхода к конституционности актов будущего Союза. Весьма полезным может оказаться опыт конституционных судов государств — членов Европейского Союза, которым удалось создать своего рода неформализованное объединение, получившее название «European Network of Constitutional Courts»²³.

В первую очередь следует решить вопрос о создании каталога прав человека на евразийском уровне (может быть, путем формулирования неких общих конституционных ценностей стран Союза). Автор будет первым,

кто поддержит любое движение конституционных судов в данном направлении.

Исполинов Алексей Станиславович – доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

ispolinov@inbox.ru

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 года № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда.

² Constitutional Court. Judgment No. 348-349 of 22 and 24 October 2007.

³ Applications nos. 11157/04, 15162/05, Anchugov and Gladkov v. Russia, Judgment of 4 July 2013. Para. 111. Суд признал, что положения части 3 статьи 32 Конституции РФ, согласно которым граждане, содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать органы государственной власти, нарушают статью 3 Протокола № 1 к Европейской Конвенции, гарантирующую право на участие в выборах.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 года № 1487-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Худайназарова Мурата Реимназаровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 150, 153 и 195 Таможенного кодекса Таможенного союза.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 1050-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Там Niinivirta AY» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 80, пункта 1 статьи 91 и пункта 1 статьи 342 Таможенного кодекса Таможенного союза.

⁶ <http://enu.kz/repository/repository2014/reshenie-organov-konst-kontrolya.pdf>. См также: *Казанцев С.М.* Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2(32). С. 1–9.

⁷ Там же.

⁸ См.: Frontini v. Ministero Delle Finanze [1974] 2 CMLR 372.

⁹ См.: *Weiler J.H.H.* Federalism and Constitutionalism: Europe's Sonderweg (<http://www.jeanmonnetprogram.org/archive/papers/00/001001.html>).

¹⁰ См.: Constitutional court insists on its previous case-law concerning the so-called slovak pensions. Constitutional Court, Brno, 15 February 2012 (TZ 8/12) (http://www.usoud.cz/en/current-affairs/?tx_ttnews%5Btt_news%5D=147&cHash=a41487790296bfadbd85e535fac8945c).

¹¹ Case C-399/09, Marie Landtová v. Česká správa sociálního zabezpečení, Judgment of 22 June 2011 (<http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=104342&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=3467686>).

¹² Решение от 29 мая 1974 года BVerfGE 37, 271. Именно давление со стороны конституционных судов Германии и Италии, по мнению бывшего судьи Суда ЕС Ф. Манчини, оказало влияние на изменение позиции Суда ЕС. Он открыто заявляет, что решение Федерального конституционного суда по делу *Solange-1* было тяжелейшим ударом, угрожавшим не только верховенству, но и независимости права ЕС.

¹³ Решение от 22 октября 1986 года, BVerfGE 73/339, § 35, 48.

¹⁴ Решение от 12 октября 1993 года. BVerfGE 89/155.

¹⁵ Решение от 30 июня 2009 года. BVerfGE 123/267.

¹⁶ Решение от 6 июля 2010 года. 2 BvR 2661/06.

¹⁷ Ibid. § 33–54.

¹⁸ Case C-144/04, Werner Mangold v. Rüdiger Helm, Judgment of 22 November 2005.

¹⁹ Case C-617/10, Åklagaren v. Åkerberg Fransson, Judgment of 26 February 2013.

²⁰ См.: Federal Constitutional Court. Press release no. 31/2013 of 24 April 2013. Judgment of 24 April 2013, 1 BvR 1215/07 (<https://www.bundesverfassungsgericht.de/pressemitteilungen/bvg13-031en.html>).

²¹ См.: Federal Constitutional Court. Press release no. 9/2014 of 7 February 2014 (<https://www.bundesverfassungsgericht.de/en/press/bvg14-009en.html>).

²² См.: *Thiele A.* Friendly or Unfriendly Act? The «Historic» Referral of the Constitutional Court to the ECJ Regarding the ECB's OMT Program // German Law Journal. Vol. 15. 2014. No. 2. P. 241–264, 248.

²³ Ibid. P. 242.